

Глава 4

Вскоре перед капотом машины Фу Сюня, надсадно ревя мотором, замер щегольской мотоцикл. Гу Чэн примчался на зов на удивление быстро, и Фу Сюнь, глядя на его покорность, невольно ощутил странный трепет.

Снова это навязчивое чувство: неужели он и впрямь нравится Гу Чэну? Иначе с чего бы...

Впрочем, стоило Гу Чэну открыть рот, как все романтические подозрения рассыпались в прах.

— Что за кислая мина, страдалец? Неужто твой ненаглядный тебя вышвырнул?

Фу Сюнь нахмурился, собираясь огрызнуться, но приятель, не дожидаясь приглашения, уже распахнул дверцу и бесцеремонно плюхнулся на пассажирское сиденье.

Гу Чэн подался вперед, сокращая дистанцию. Фу Сюню эта близость была неприятна: он невольно отпрянул, морщась от вторжения в личное пространство. Гу Чэн, решив, что им снова безгуют, мгновенно окрысился:

— Фу Сюнь, ты ведь как-никак красавец кампуса университета С! Ты только посмотри на себя — на кого ты похож? Вид просто жалкий!

Фу Сюнь и впрямь выглядел скверно. Чтобы легенда о ранении казалась правдоподобной, он перед самым приездом Гу Чэна снова задействовал вторую способность.

Этот дар правильнее было бы назвать не «Клонированием», а именно «Расщеплением». Фу Сюнь буквально разделял себя надвое. Копия была идентична оригиналу во всём: внешность, интеллект, сила — всё было скопировано один в один.

В прошлой жизни Фу Сюнь встречал нечто похожее — способность «Тень», но там двойник был лишь безликим и безмозглым куклообразным аватаром. Его же клон оказался иным. Тот, кого Фу Сюнь исторг из себя, едва обретя плоть, задал первый вопрос:

«Слушай, как думаешь, сможешь ли ты отправить меня в мир испытаний в одиночку?»

Для удобства Фу Сюнь окрестил двойника Номером Один. Тот горел желанием проверить, способен ли он автономно собирать ресурсы. Если бы это сработало, Фу Сюнь мог бы оставаться в безопасности реальности, пока Первый выполнял бы за него всю грязную работу в аномальных зонах.

Хотя природа этой связи еще оставалась загадкой, оба — и Фу Сюнь, и его копия — понимали главное: оригинал должен выжить любой ценой. Пока жив Фу Сюнь, Первый может

возрождаться бесконечно, сколько бы раз его ни убили.

К сожалению, эксперимент не удался. Без участия основного тела Первый не мог переместиться в мир испытаний. Попытка привязать к клону собственный Браслет Спасения тоже провалилась: Колесо Спасения видело в Номере Один лишь сгусток энергии, а не живое существо, подлежащее регистрации в системе.

Они проверили и другие возможности. Выяснилось, что Первый не может расщепляться дальше — эта привилегия принадлежала только «основному телу». Сам же Фу Сюнь, истощенный до предела, был не в состоянии создать даже вторую копию.

В конце концов обнаружилась удивительная лазейка: поскольку система считала Первого не живым организмом, а «мобильным энергетическим объектом», его удалось поместить в переносной рюкзак.

Для Фу Сюня это стало огромным преимуществом. Это значило, что в будущем он сможет прятать целую армию своих воплощений в инвентаре и выпускать их в решающий момент боя.

Услышав замечание Гу Чэна о своём жалком виде, Фу Сюнь машинально глянул в зеркало заднего вида.

На него смотрело очень красивое лицо. Если красота Сун Сивэня была утонченной и хрупкой, то Фу Сюнь обладал мужественной статью. Разлет бровей, чуть прикрывающих глаза, придавал его взгляду ту особую глубину, которую часто принимают за нежность. У него был тот редкий тип внешности, когда кажется, что человек смотрит с обожанием даже на дворовую собаку.

Однако знавшие его близко понимали: этот взор обманчив. В такие моменты Фу Сюнь обычно вообще не замечал собеседника.

Он был высок, статен и ладно сложен — не перекачан, но и не худосочен. А его руки... Длинные, изящные пальцы с четко очерченными костяшками обладали какой-то необъяснимой, притягательной силой.

В студенческие годы за Фу Сюнем даже охотился один фетишист-извращенец, пытавшийся втихомолку фотографировать его кисти. Когда Фу Сюнь поймал его и хорошенько проучил, тот даже не посмел пожаловаться — преподаватели души не чаяли в образцовом студенте, да и полиция вряд ли встала бы на сторону тайного фотографа.

В плане внешности Фу Сюнь никогда не знал поражений. Даже сейчас, с мертвенно-бледным лицом и печатью изнеможения, он оставался чертовски хорош.

Оторвавшись от своего отражения, Фу Сюнь посмотрел на Гу Чэна.

— Я возвращаюсь домой. Хочешь со мной?

Из-за слабости его голос звучал мягче обычного. Гу Чэн, не привыкший к такому тону, неловко потер ухо.

Ему стало не по себе. Хотя Фу Сюнь сидел довольно далеко, этот вкрадчивый низкий голос заставил его почувствовать себя так, словно ему шепчут прямо на ухо.

— Ладно, — буркнул Гу Чэн, отводя глаза.

— Тебе нужно заехать за вещами?

— Нет смысла. Ценностей у меня нет, а единственное, что дорого сердцу — байк — я уже убрал в рюкзак.

— Тогда трогаемся.

Гу Чэн и сам планировал уезжать, думал добираться на мотоцикле. Звонок Фу Сюня стал полной неожиданностью. Глядя на бледность спутника, он проявил несвойственную ему заботу, хоть и облек её в привычную грубость:

— Давай я за руль. А то в твоём состоянии мы в кювет улетим, а я ещё пожить хочу.

Фу Сюнь молча закрыл глаза. Язык Гу Чэна был его вечным проклятием: за правильными поступками всегда следовала порция словесного яда.

А ведь если бы Гу Чэн умел молчать, им можно было бы просто любоваться. Он был немногим ниже Фу Сюня, рослый и крепкий. Но его красота была иной.

Если Фу Сюнь был тем типом парня, с которым мечтают завести роман и гулять за ручку, то от Гу Чэна веяло опасностью. В его облике сквозило что-то порочное и дерзкое — типичный «плохой парень», от которого лучше держаться подальше.

Впрочем, Гу Чэн и в самом деле был не из примерных. С самого детства книги вызывали у него лишь скуку, а истинной страстью были драки и игры. Извечный сорвиголова, он терпеть не мог Фу Сюня — «золотого мальчика», которого все ставили в пример.

Фу Сюнь всегда был лучшим. Тихий, вежливый, послушный — он казался соседям и учителям маленьким теплым солнцем. На его фоне Гу Чэн выглядел как колючий сорняк: драчун, прогульщик и сквернослов.

Они были как день и ночь. Фу Сюнь — подсолнух, тянущийся к свету, воплощение добродетели. Гу Чэн — крыса, шныряющая в полночной тьме, вызывающая лишь раздражение и брезгливость.

Но только Гу Чэн знал, что это солнце — фальшивое. За взглядом, полным нежности, скрывалось полнейшее безразличие к людям. Под маской мягкости Фу Сюнь прятал ледяное сердце, в котором было место только для него самого.

Гу Чэн видел, как этот «герой» рыдал в тупике после стычки со старшеклассниками. Видел, как он ласково выпрашивал деньги у отца, а через секунду, отвернувшись, цедил сквозь зубы: «Ничтожество».

Фу Сюнь не был безупречным. Он был эгоистичным, трусливым и невероятно злопамятным. Гу Чэн порой думал: Фу Сюнь потому так его и ненавидит, что тот знает слишком много его грязных тайн.

Из раздумий его вырвал резкий голос спутника:

— Ты можешь следить за дорогой?!

Гу Чэн вздрогнул. Понимая, что виноват, он всё же огрызнулся:

— Мы же не разбились.

— Когда разобьемся, будет поздно.

На этот раз Гу Чэн промолчал. Не из вежливости — просто впереди, посреди шоссе, он увидел людское месиво.

Они выехали на скоростную трассу, ведущую из города. Шел лишь второй день после появления Колеса Спасения. Большинство людей были заняты исследованием миров испытаний, и порядок еще худо-бедно сохранялся. На дорогах должно было быть спокойно.

Но правила больше не работали.

Взгляд Гу Чэна стал жестким. Фу Сюнь почувствовал, как машина замедляет ход, и тоже уставился на затор впереди. Гу Чэн потянулся к ручке двери.

— Будь начеку, — вполголоса произнес Фу Сюнь, тоже готовясь выйти. — Кажется, впереди беда.

<http://bllate.org/book/17154/1606564>